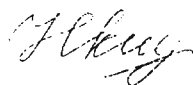

0-795269

На правах рукописи

Недопекина Екатерина Михайловна

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РУССКОЙ РЕЧИ ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ
В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ГЕРМАНИИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания
филологического факультета Российского университета дружбы народов

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,
доцент

Лысякова Марина Витальевна
Российский университет дружбы народов

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
доцент

Синячкин Владимир Павлович
*заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
Российского университета дружбы народов*

кандидат филологических наук,

Василева Татьяна Владимировна
*доцент кафедры иностранных языков Московского архитектурного
института (Государственной академии)*

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО Владимирский государственный
университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Защита состоится “06” апреля 2012 г. в 14 ч.

На заседании диссертационного совета Д 212.203.12

при Российском университете дружбы народов

по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6, зал № 1.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном
библиотечном центре (Научной библиотеке) РУДН: 117198, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат диссертации размещен на сайте: www.rudn.ru

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

Автореферат разослан 5 марта 2012г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

0000808140

Н.Ю. Нелюбова

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена комплексному описанию русской речи этнических немцев социолингвистического пространства современной Германии; процессам языкового контактирования, представленным в устной речи этнических немцев; определению специфических черт в русской речи и изменений, происходящих в русском языке в условиях его постоянного контакта с неблизкородственным немецким языком; выявлению наиболее частотных закономерностей преобразования русского языка на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях в условиях влияния немецкого языка и культуры; доказательству институционального характера использования русского языка в условиях билингвизма.

Актуальность диссертационной работы обусловлена интересом к явлению контактирования языков и системно-структурным типологическим исследованиям на материале двух или более языков. Установление специфики изменений, происходящих в языке и речи членов отдельных языковых сообществ, которые образуются за пределами языковой метрополии, является одним из перспективных направлений в типологической и сопоставительной лингвистике и имеет большое практическое значение для развития сравнительной типологии языков и исследования русского языка зарубежья.

Цель исследования – охарактеризовать язык социолингвистического пространства русскоязычной общины Германии в целом и выявить структурные особенности русского языка этнических немцев на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях языковой системы.

Реализация этой цели достигается путем решения следующих **задач**:

- 1) описать языковую ситуацию, сложившуюся в русскоязычной эмигрантской среде Германии;
- 2) выявить закономерности и причины процесса языкового контактирования, нашедшие отражение в языке русскоязычных немцев;
- 3) установить наличие/отсутствие зависимости контактных явлений от структуры социолингвистического пространства;
- 4) классифицировать фонетические, лексические и грамматические изменения, а также охарактеризовать их с функциональной точки зрения;
- 5) установить статус русского языка как языка социолингвистической общины Германии.

Исходными принципами исследования стали следующие **положения**, разработанные в лингвистической теории:

1. Язык социума является отражением окружающей действительности (Л. Вайсгербер, А. Вежбицкая, В. фон Гумбольдт, В.И. Поставалова, Э. Сепир, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин).

2. В основе коммуникативной компетенции индивида лежит его социальный и национально-культурный опыт (Е.М. Верещагин, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, В.П. Нерознак, Н.Л. Шамне).

3. Обязательным условием возникновения интерференции, или переклочения кода является билингвизм (У. Вайнрайх, Ю.А. Жлуктенко, Е.В. Опельбаум, О.М. Рот, С.В. Семчинский, Э. Хауген).

4. Любой текст отражает интенциональность автора, реализованную в языковых знаках (Р.С. Аликаев, Г.О. Винокур, А.Н. Кожин, В.С. Кузнецов, О.А. Лаптева).

5. Язык не является обязательным условием образования и последующего развития диаспоры (С.А. Арутюнов, В.Д. Попков, В.А. Тишков, Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова).

Объектом данного исследования является устная и письменная речь русскоязычной общины современной Германии.

Предметом диссертационного исследования выступают процессы языкового контактирования, представленные в устной речи этнических немцев, эмигрантов из бывших республик Советского Союза и проживающих в настоящее время в Германии.

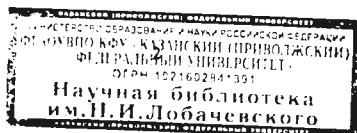
В основу выполненного исследования положена **гипотеза** о том, что русская речь социалингвистического пространства в современной Германии определяется характером процессов языкового контактирования в ситуации асимметричного билингвизма, а также предположение о том, что изменения разговорного языка на различных уровнях языковой системы (фонетическом, лексическом и грамматическом) в условиях постоянного контакта русского языка и немецкого языка происходит в зависимости от социального института, в рамках которого осуществляется общение, а, следовательно, имеют институциональный характер.

Методологической основой исследования послужили труды В.А. Аврорина (1972), Ю.Д. Апресяна (1990), Л.И. Баранникова (1972), Э. Бенвениста (1974), И.А. Бодуэна де Куртенэ (1963), У. Вайнрайха (1963, 1972, 1979), Ж. Вандриеса (2004), Е.М. Верещагина (1969), В.А. Виноградова (1969, 1990), М.Я. Гловинской (1996, 1998, 2001), Ю.С. Степанова (2001), W. Croft (2000, 2001), E. Haugen (1950, 1956, 1972), S.G. Thomason (1988, 1991).

Материалом исследования явились анкетные данные, собранные в результате опроса 80 этнических немцев, проживающих на севере Германии (в земле Шлезвиг-Гольштейн), а также материалы наиболее крупных русскоязычных сайтов: www.politemigrant.org, www.germany.ru, www.de-web.ru, www.ruslink.de.

В работе используется комплексная **методика**, включающая описательный метод (наблюдение, обобщение), метод лингвистической интерпретации, метод сплошной выборки, метод статистической обработки данных, контекстуальный анализ, дефиниционный и оппозитивный анализы.

Научная новизна исследования заключается в том, что в данной работе впервые:

- установлен характер языкового контактирования в общине в условиях асимметричного билингвизма;
- предложена классификация лексических заимствований в зависимости от их институционального функционирования в устной речи иммигрантов;
- выявлена значимость прямых заимствований для членов русскоязычного социалингвистического пространства как лингвистических маркеров их принадлежности к языковому меньшинству;
- установлен статус русского языка в эмигрантской русскоязычной общине.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке методики исследования способов отражения в русском языке структуры социалингвистического пространства, в установлении и описании механизмов языкового контактирования между двумя (русским и немецким) неблизкородственными языками, в выявлении основных закономерностей данного процесса. Использование институционального подхода при анализе явлений языкового контакта расширяет имеющиеся представления о причинах и сущности лингвистических процессов, протекающих при активном взаимодействии русского и немецкого языков, и обогащает, в частности, методологию теории языковых контактов, арсальной лингвистики и языкознания в целом.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов при подготовке курсов общего и типологического языкознания, лексикологии, стилистики, теории межкультурной коммуникации, спецкурсов по социалингвистике, контактной лингвистике, лингвопрагматике и преподаванию русского языка.

Проблематика исследования позволяет **вынести на защиту следующие положения:**

1. Русскоязычная общность Германии, образованная этническими немцами, эмигрантами из СССР, России и стран СНГ, может быть определена как особое, неоднородное по своему составу социалингвистическое пространство, консолидирующим началом которого является русский язык.

2. Степень вовлеченности в данное социалингвистическое пространство зависит от языковой и культурной самоидентификации этнических немцев.

3. Характер совместного функционирования русского и немецкого языков в социалингвистическом пространстве русскоязычной общины современной Германии является основной причиной развития у эмигрантов асимметричного билингвизма.

4. Билингвизм этнических немцев характеризуется значительной интерференцией на всех уровнях языковой системы.

5. Функционирование заимствований в письменной речи русскоязычных немцев Германии обусловлено институционально (в русскоязычной эмигрантской прессе, языковом оформлении эмигрантских сайтов и их частной переписке) и становится следствием координированного комплементарным билингвизма. Степень грамматического интегрирования

заимствований из немецкого языка в русскую речь эмигрантов из бывшего СССР зависит от способа заимствования.

6. Переключение кода в речи этнических немцев происходит на уровне как устных, так и письменных текстов и имеет интрасентенциальный и интерсентенциальный характер в рамках единого текста. Переключение кода во всех случаях обусловлено установкой на адресата.

7. Ведущим процессом в социолингвистической ситуации русскоязычной общности Германии при контакте русского и немецкого языков является опрощение речи, прежде всего на фонетическом и лексическом уровнях, что обусловлено лингвокультурной спецификой коммуникации в смешанной иммигрантской среде.

8. Многочисленные немецкие вкрапления в устной русской речи этнических немцев свойственны также письменной речи русскоязычных СМИ Германии.

Базой исследования послужили исследования видных ученых-лингвистов, среди которых особая роль отведена таким именам, как М.А. Бобрик, М.Я. Гловинская, Д.О. Добровольский, Е.А. Земская, Е.Ю. Протасова, N. Verend, K. Meng.

Объективность и достоверность основных положений и выводов обеспечивается привлечением сведений из психологии, философии, педагогики, социолингвистики и других областей гуманитарного и естественнонаучного знания, обширным корпусом трудов по языкознанию, применением комплексных методов исследования языкового материала и многочисленными аутентичными источниками языкового материала.

Апробация результатов исследования проводилась в форме докладов на Международных научных конференциях: «Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения: I Новиковские чтения» (Москва, 5-6 апреля, 2006); X Международном конгрессе молодых ученых: «Мир славян в языке и культуре» (Щецин, Польша, 21-14 апреля, 2008), «Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения: II Новиковские чтения» (Москва, 16-17 апреля, 2009), Международный colloquium «Россия: пути примирения» (Саллет, Франция, 27-29 июля 2008), IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20-23 марта, 2010), Международный colloquium «Категоризация миноритарных языков: полидисциплинарный подход к русской терминологии» (Бордо, Франция, 9-10 декабря, 2010). Работа была обсуждена на заседании кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, перечня словарей и энциклопедий, списка документов и нормативных актов, а также списка сайтов, материал которых был использован для сбора языкового материала и семи приложений.

По теме диссертационного исследования опубликовано 6 статей, в том числе 1 статья в журнале, рецензируемом ВАК.

Основное содержание работы

Во Введении обосновываются выбор темы, её актуальность и новизна, определяется языковой материал и его источники, излагаются подходы к его описанию, принципы и методы анализа, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются гипотеза и положения, выносимые на защиту, цель и задачи исследования, его объект и предмет.

В главе I «Проблематика социолингвистических исследований в аспекте билингвизма» рассмотрены ключевые для данного исследования понятия: билингвизм, двуязычие и многоязычие. При этом билингвизм трактуется как явление нового времени, которое имеет статус как социальной нормы, так и социальной ценности. Он предполагает не только овладение языком, но и приятие иной языковой культуры, поскольку для каждого народа его язык – олицетворение национальной самобытности. Так возникает неизбежный процесс взаимодействия культур, их диалог, что приводит к формированию бикультурного и билингвистического социума. Характеризуя процесс билингвизации того или иного общества, следует упомянуть, что билингвальными и бикультурными могут быть как целые народы, так и отдельные социальные слои общества, общественные объединения.

Изучив определения билингвизма в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, в данной работе мы приняли широкое понимание этого понятия, как относительного владения вторым языком, умения пользоваться им в определенных сферах общения. Уточняя тип билингвизма, мы прибегли к его оценке В.А. Виноградовым, который подчеркнул особенность смешанного билингвизма в том, что билингвизм имеет «единую систему значений при двух системах выражения этих значений. Существо его состоит в соотношении двух планов выражения с одним планом содержания»¹.

В зависимости от функции, выполняемой вторым языком в повседневном общении говорящего, выделяются три различные формы билингвизма: супплементарный, комплементарный и реплайивный. В ходе исследования нам удалось установить, что билингвизм этнических немцев является комплементарным, при котором немецкий язык используется как дополнительный к русскому.

Изучая проблематику билингвизма, многоязычия и языковых контактов, особое внимание мы уделили лингвистической ситуации русскоязычных переселенцев из стран СНГ в Германии, которая представляет индивидуальное и институциональное многоязычие (в нашем случае – двуязычие).

В Германии многие дети эмигрантов в родительском доме и среди непосредственного окружения усваивают свой родной (первый) язык только на базовом разговорном уровне, а немецкий (второй) язык и вовсе знают слабо. Плохое владение немецким языком, становящееся очевидным к

¹ Виноградов В.А. Диглоссия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.И. Ягичев. – М.: Советская Энциклопедия. 1990. – С. 221.

моменту поступления в школу, зачастую не может быть компенсировано образовательной программой. В силу этих фактов возникает необходимость разграничить **первый-второй язык, родной язык, материнский язык, доминирующий язык, домашний язык, обиходный язык, язык эмигрантов, язык диаспоры, язык национального меньшинства и язык зарубежья**, чтобы определить какую роль выполняет русский язык в социолингвистическом пространстве Германии.

Для характеристики языкового контакта необходимыми и определяющими являются понятия **переключения кода, языковой интерференции** и типа контакта - **адстрата, субстрата и суперстрата**.

Под переключением кода (от англ. *code switching*) понимается оперативный переход с одного языка на другой в рамках единой речевой ситуации. Очевидно, что владение двумя языками предполагает потенциальную возможность перехода с одного языкового кода на другой, то есть переключение кода. Заметим, что для современного человека характерно не столько двуязычие, сколько многоязычие, отражающее его вовлеченность в сложную систему различных отношений, институций и институтов, имеющих как четко выраженную, так и латентную языковую и внеязычную специфику.

Исследуя языковую ситуацию русскоязычных немцев в современной Германии, мы пришли к выводу, что взаимодействие русского и немецкого языков в этом социолингвистическом пространстве строится по типу **субстрата**, представляющего собой этап перехода говорящего с одного языка на другой. Этот процесс предполагает, как переходный этап, более или менее продолжительный период двуязычия. А длительное двуязычие создает предпосылки для далеко идущего смещения и взаимопроникновения двух языковых систем. Лингвистическую специфику субстрата можно объяснить на почве двуязычия.

Сосуществование двух языков на одной и той же территории и в одном том же социуме приводит в большей или меньшей степени к развитию интерференции. Однако далеко не все ее потенциальные возможности актуализируются и воплощаются в коммуникативной практике. Разные люди с различным успехом преодолевают тенденцию к интерференции как автоматически, так и сознательными усилиями. В ситуации контакта между русским и немецким языками один говорящий может владеть обоими языками, а у другого говорящего речь на немецком языке может изобиловать отпечатками норм русского языка. Случается, что оба этих говорящих различны по своим врожденным языковым способностям или другой говорящий только приступает к изучению немецкого языка. Но, бывает и так, что они изучали языки разными способами, например, второй говорящий пользовался методом, не рассчитанным на подавление интерференции. Возможно также, что первый говорящий придерживался пуристических установок, а второй говорящий стремится лишь к тому, чтобы быть правильно понятым, и готов пренебречь языковыми нормами. При этом различия в языковых установках и степени терпимости к интерференции

могут обуславливаться как личностными особенностями этих говорящих, так и социальной средой: тем коллективом, в рамках которого происходит контакт двух языков.

Описанные возможные причины интерференции в чистом виде не характерны для случаев, наблюдаемые в речи русскоязычных немцев. Это связано с тем, что в подавляющем большинстве случаев немецкие вкрапления вводятся в речь с целью упростить восприятие сообщаемой информации. с одной стороны, а с другой стороны, облегчить ее дальнейшее использование. Ведь речевые тексты выполняют не только информативную, но и социализирующую функцию в отношении своих адресатов, которым необходимо адаптироваться к новой институциональной среде, адаптироваться к нормам и практике жизни иного культурно-языкового сообщества.

Проведенное нами исследование показало, что абсолютное большинство случаев интерференции в речи являются осознанными. Данный факт находит свое подтверждение в ходе исследования языка массовой информации: в статьях об СССР и России немецкие вкрапления полностью отсутствуют. Тем не менее, в русской речи этнических немцев наблюдается три основных типа интерференции:

Фонетическая интерференция. Сопоставление фонетических систем русского и немецкого языков позволяет обнаружить, что в одном языке есть звуки, которые отсутствуют в другом: отсутствие [ш], [х] без придыхания, среднеязычный [л]. Но существуют и другие фонетические различия между двумя языками. Так, в одном языке может быть выделена полноцепная фонема, которая не является таковой во втором языке, однако во втором языке может встретиться звук, совпадающий с одним из вариантов этой фонемы в первом языке: *з/сима, свонок, ж/шаргон, на луж/шайке*.

Более того, даже если два языка, находящиеся в контакте, имеют много общих фонем, законы их распределения обычно различны. Так, хотя *c/s* и *t/l* являются отдельными фонемами как в русском, так и в немецком языке, начальная последовательность [st-] в немецком языке представлена фонемой [шт] в позиции начала слова, в то время, как в русском языке в той же позиции эти звуки соответствуют отдельным фонемам [с] и [т] в однокоренных словах, например *Student* и *студент*.

Следует также отметить, что в действительности реализуются не все возможности интерференции, вытекающие из различий между данными языковыми системами. Отклонение в восприятии и в воспроизведении иностранных звуков не всегда совпадают друг с другом. В зависимости от колебаний в степени внимательности и заинтересованности различные носители могут подавлять потенциально возможную интерференцию или допускать ее беспорядочное проявление. Одни подмены звуков прощаются коллективом носителей языка-преемника охотнее, чем другие; коренные немцы, например, достаточно спокойно относятся к замене гласящего [г] на русский вибрант [р], однако иные фонетические подмены могут восприниматься как крайне чужеродные. Таким образом, акценты получают

частичное признание в качестве явлений, имеющих определенный общественный статус. Так, грассирующего [ɾ] по месту и способу образования близок звуку [x], поэтому словоформы *кожухе* – *кожуре* совпадают в виду неразличения вибранта [p] и грассирующего [ɾ], совпадая в звуке [x].

Словообразовательная интерференция. Одной из острых проблем, связанных с грамматическими последствиями языковых контактов, является переход аффиксальных морфем из одного языка в другой. Одним из наиболее продуктивных глагольных суффиксов несовершенного вида в современном русском языке является суффикс *-ова-* (*лобировать*, *бронировать*), который активно используется и в русской речи этнических немцев. Причиной заимствования словообразовательных морфем является тот факт, что они стали продуктивными в языке-преемнике благодаря появлению в нем таких пар слов, где одно слово содержит такую морфему, а другое – нет. Так, в немецком языке нет деления глаголов по принципу видовой парности. Например, немецкий глагол *brenen* («жечь», перен. «записывать на электронный носитель информации») приобретает в русской речи этнических немцев «видовую пару» в виде глагола *бреновать*. Интересно также отметить, что в данном случае наблюдается переключение графического кода с латинского на кириллический в письменной речи теми этническими немцами, которые еще не утратили навыка русского кириллического письма.

Помимо активного использования различных русскоязычных аффиксов в словах с немецкими корнями, этнические немцы часто склоняют немецкие существительные. При этом слово в письменной речи подвергается графическим изменениям: *Мне нужно подготовиться к термину* (от нем. *Termin* – «встреча»), где *-у* – русская флексия дательного падежа. Нередко словоформа *Terminu* записывается латиницей полностью, кроме окончания (очевидно, русского).

Грамматическая интерференция. В русском языке прилагательное в предикативной функции согласуется с подлежащим в роде и числе. В немецком языке, хотя и имеется согласование в роде имени прилагательного с именем существительным, но это не касается прилагательного в предикативной функции. Этот факт объясняет периодическую утрату согласования в русских фразах у двуязычных носителей немецкого языка и русского: *Она хорошая доктор* [из устных интервью с русскими немцами, принявшими участие в данном исследовании].

Несоответствие грамматических категорий в языке-источнике и языке-преемнике, имеющих смысловое значение, очень часто отражаются в ситуациях языкового контакта. Так, противопоставление датива и accusativa в немецком языке, хотя отчасти и совпадает с противопоставлением падежных форм в русском языке, однако в русском языке существуют варианты *памятник Пушкина* – *памятник Пушкину*. У билингвов с русским языком как языком-источником неразличение этих форм часто приводит к ошибкам в немецком языке как языке-преемнике.

Нередко наблюдается явление, при котором определяемая сугубо формально категория языка-источника «семантизируется» по образцу языка-преемника. Так, в немецком языке введение придаточного предложения без вопросительного слова происходит с помощью союза *wenn*, в то время как в русском языке в этой функции выступает частица *ли* (усеченная форма союза *если*): *Я не знаю, если он открыт сегодня*. Этнические немцы, живущие в Германии, при продуцировании подобных сложных бессоюзных предложений переводят немецкий союз на русский язык полной формой *если*. Кроме того, место постановки союза *если* в предложении, составленном этническими немцами, не соответствует норме постановки *ли* в русской фразе.

Для решения вопроса о статусе русского языка в социалингвистическом пространстве современной Германии были изучены необходимые условия формирования диаспор и транснациональных сообществ за рубежом.

Существенное место в исследовании занимает проблема диаспоры и анализ ее основных характеристик. В настоящее время выделяются следующие основные характеристики классической диаспоры:

1) Расселение из единого центра в две или более «периферийных» области или иностранных региона. Члены диаспоры или их предки были вынуждены покинуть страну (регион) своего первоначального проживания и, как правило, относительно небольшими частями переселиться в другие места.

2) Коллективная память о стране происхождения и ее мифологизация. Члены диаспоры сохраняют коллективную память, видение или миф о своей первоначальной стране исхода, ее географическом положении, истории и достижениях.

3) Ощущение своей чужеродности в принимающей стране. Члены диаспоры полагают, что они не являются и не могут быть полностью приняты обществом этой страны и, следовательно, чувствуют себя отчужденно и изолированно.

4) Стремление к возвращению или миф о возвращении. Члены диаспоры считают страну исхода своим родным и идеальным домом; тем местом, в которое они или их потомки в конечном итоге вернутся, когда условия будут подходящими.

5) Оказание помощи исторической родине. Члены диаспоры преданы идее всемерной поддержки страны исхода и полагают, что им следует сообща взяться за это и тем самым обеспечить ее безопасность и процветание.

6) Сохраняющаяся идентификация со страной происхождения и базирующаяся на этом чувство групповой сплоченности, то есть наличие организационных форм своего существования.

В качестве важной составляющей, которая формирует транснациональные пространства, выделяется отношение, возникающее между пятью основными актантами:

- правительством иммиграционного государства;
- гражданским обществом в стране иммиграции;

- правительством эмиграционного государства;
- группами гражданского общества в стране эмиграции;
- транснациональными группами (эмигрантами, беженцами, миграционными сообществами).

Из перечня следует, что роль языка в формировании как транснациональных пространств, так и диаспор, не учитывается. Однако русскоязычная общность, являющаяся предметом данного исследования, представляет многонациональное сообщество, объединенное, прежде всего, на основе русского языка и русских культурных традиций. Таким образом, изучаемое нами социолингвистическое пространство не может быть идентифицировано ни как транснациональное пространство, ни как диаспора.

Анализ устных интервью с этническими немцами выявил, что субъективное **самовосприятие** молодого поколения русских немцев как части немецкой нации не способно полностью снять проблемы, возникающие на пути интеграции в новое общество. Чем старше возраст переселенца, тем выше процент вероятности, что процесс интеграции будет проблематичен и затянется на долгий период. Во многом эти трудности объясняются недостаточно уверенным владением немецким языком.

Надежды старшего поколения русских немцев на обеспеченную, стабильную жизнь в Германии оправдываются весьма редко. Процесс интеграции, осложненный низкой языковой компетенцией переселенцев, замедляется. Русские немцы встречают преграды практически во всех социальных сферах: образование, полученное в России, не признается в Германии; жилищный вопрос является для них в Германии вторым по степени своей важности, эмигранты не имеют доступа к культурной жизни страны, что также негативно отражается на процессе интеграции. В силу возраста и долгого проживания в России, где русские немцы ассимилировали под влиянием русской культуры, логичен вывод, что успешная интеграция многих из них возможна лишь в единичных случаях.

В целом, шансы на полную успешную интеграцию большинства старшего и молодого поколения русских немцев ничтожно малы. Положительный результат напрямую связан с возрастом каждого конкретного человека и с его личной мотивацией.

В главе II «Социолингвистическое пространство русскоязычной общности Германии» представлены специфические черты русской речи русскоязычных немцев в современной Германии на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях языковой системы, а также осуществлен анализ русской письменной речи русскоязычных средств массовой информации Германии.

Положение так называемых российских немцев оказалось наиболее тяжелым в контексте многонационального общества Германии. В СССР ассимиляцию им усложняло немецкое происхождение их предков, в Германии мешает их «русскость». Этнические немцы репатрируются в Германию, и непризнание немца-переселенца немцем является социально-

экзистенциальной несправедливостью. Для дважды отвергнутых единственным достойным выходом из положения становится создание собственной культурно-языковой среды, или особого социолингвистического пространства. Пока в немецком обществе разворачивалась дискуссия о недостаточной интеграции иностранцев в немецкое общество, русскоязычная инфраструктура без четкого разделения на немецкое большинство и еврейское меньшинство уже сложилась. Сегодня в самой густонаселенной части Европы земле Северного Рейна, Вестфалии (Дюссельдорф, Кельн и близлежащие города), на русском языке обеспечиваются все виды жизненно-важных услуг – от акушерских до похоронных. Создана и самая сложная с точки зрения организационных ресурсов составляющая – развлекательная. При этом русская община сложилась, не обретя официального статуса, признания. Справиться с этим социальным образованием нелегко не только немецкой администрации, но и всему обществу в целом.

В определении этого социолингвистического пространства значительная роль отводится понятию самоидентификации. По нашему мнению, единственно возможной адекватной самоидентификацией человека может быть его самоидентификация в языке. В языке фиксируется и отражается все, что связано с историей и культурой народа. Таким образом, определим языковое пространство как форму построения единой языковой картины мира, существующей в языковом сознании носителей языка, складывающейся из совокупности речевых произведений-текстов и образного поля, выступающих как часть действительности, ориентированной прежде всего на понимание, и одновременно как коммуникативная реализация отношения человека к миру.

В языковом пространстве реализуется языковая модель отношений человека и мира. Языковое пространство как пространство предметов и смыслов существует в языковом сознании говорящих. В широком понимании языковое пространство предстает как некая объективная форма существования языка, зафиксированного в устных и письменных произведениях людей, проживающих в одной и той же местности, то есть в языковом материале. Языковое пространство охватывает широкий спектр языковых явлений и обладает двумя характерными чертами — антропоцентричностью и коммуникативностью. Оно отражает языковую картину мира в текстах и содержит в себе возможности реализации всех остальных видов пространств и субпространств, таких как номинативное и коммуникативное, семиотическое, ономастическое и др.

В более узком понимании языковое пространство включает в себя образ реального пространства, существующий в языковом сознании носителей языка, которое складывается из вербальных представлений о мире. Языковое пространство языковой общины отражает реальное пространство и представляет собой форму существования языковой системы, объединенной единой языковой картиной мира, которая складывается из совокупности речевых произведений (текстов) различных языковых личностей в границах территории одной языковой общности. Языковое пространство данной

группы, выделенное по территориальному принципу, представляется частью языкового пространства как сферы существования языка в его различных реализациях. В свою очередь, и языковое пространство, и языковое пространство географической единицы выступают фрагментами или некоторыми формами объективации языковой картины мира, существующей в сознании человека.

В итоге языковое сознание людей, с одной стороны, отражает реальное пространство языковой общины, которое конструируется объектами, существующими на его географической территории, в этом смысле пространство является вторичным по отношению к объектам, а с другой – выстраивает языковое пространство, включающее в себя отношения к окружающей действительности и представления о ней, зафиксированные в языке.

Таким образом, языковое пространство отдельной географической единицы образует некую единую, спаянную речевую стихию, основной формой реализации которой является народно-разговорная речь, включающая в себя все разновидности национального языка (а в нашем случае двух языков: русского и немецкого), бытующие в непосредственном общении как в устном, так и в письменном.

Структура языкового пространства подчиняется одновременно двум принципам:

1) *пространственный принцип* предполагает такое устройство языкового сознания, которое зависит от значимости объекта в языковом пространстве. Языковое сознание горожан отражает пространственную организацию географической единицы: наиболее известные, активно употребляемые лексические единицы относятся к центральной части местности наибольшей концентрации говорящих на данном языке, менее известные – к периферии. То есть языковое пространство имеет ядерно-периферийное устройство.

2) *антропоцентрический принцип* соблюдается на периферии языкового пространства и зависит от таких характеристик субъекта, как возраст, пол, коммуникативность, наличие знакомых в других районах, место работы и прочее.

Таким образом, самоидентификация человека в языковом пространстве предполагает:

- отождествление самого человека с территорией, отражение пространства в языковом сознании человека, языковое конструирование образа родной местности и поиск образа себя в новом пространстве;

- самоопределение, нахождение себя и своего места в речевой стихии конкретного населенного пункта, идентификацию себя с определенными группами (возрастными, социальными, профессиональными и пр.) с помощью речевых кодов, отражающих вербализованные представления об иерархии ценностей данного сообщества.

Однако перечень общих признаков для членов данного социолингвистического пространства довольно велик:

- а) живущие в одной стране,
- б) составляющие одну волну эмиграции,
- в) имеющие одинаковый уровень образования,
- г) имеющие одну и ту же профессию,
- д) покинувшие родину по одной и той же причине и т.д.

Очевидно, что при таком подходе мы получаем сведения, устанавливающие определенные корреляции между избранным признаком и особенностями языка. То есть мы можем выявить, какие изменения в речи эмигрантов вызывает их пребывание в чужой стране, и, соответственно, влияние немецкого языка на русскую речь этнических немцев, что отвечает принципиально важной задаче данной работы.

Для того, чтобы глубже проникнуть в условия функционирования языка, понять, как именно живет родной язык в условиях иноязычного окружения (дву- или многоязычия), производилось изучение отдельных языковых личностей, то есть создание речевых портретов восьмидесяти лиц. Эти данные представляют интерес в историко-культурном отношении для характеристики изменений русского языка на протяжении XX века и для характеристики нравов и быта носителей русского языка людей за рубежом.

Основной материал исследования составляли записи естественной неподготовленной устной речи – разговоры на разнообразные личные темы беседы о жизни, рассказы об истории семьи, воспоминания об эмиграции из России, впечатления о жизни в новой стране, бытовые диалоги во время прогулок, поездок, обедов и т.д.

В качестве дополнительного материала использовались анкеты, составленные с целью максимально детального изучения языковых, культурных и литературных компетенций респондентов.

В ходе исследования записывались непринужденные разговоры, беседы на отвлеченные темы в естественной неофициальной обстановке. Речь такого рода сопоставима с той формацией, которую в отечественном языкознании называют термином «разговорный язык». Именно поэтому, при выявлении отличия зарубежного русского от российского русского, полученные данные сравнивались не с данными кодифицированного литературного языка, а с данными разговорного литературного языка.

Беседы с респондентами никогда не носили характера интервью. В отношениях с собеседниками не было натянутости, официальности. Общение было непринужденным. Иными словами, разговор имел дружеский, откровенный характер.

Записи велись в самых разных ситуациях: в автомашине во время совместных поездок, в церкви, дома у респондентов, в кафе, ресторане. Обстоятельства, несомненно, ухудшали техническую сторону общения (городской шум и иные отвлекающие моменты), но не нарушали непринужденность ситуации и способствовали естественности речи собеседников. Изученный материал показывает степень устойчивости (сохранения) русского языка эмигрантов разных волн.

Общие особенности речи эмигрантов первой волны порождаются следующими факторами:

1. Усвоение русского языка дома, от родственников, свободно владеющих книжным и разговорным русским языком, или нянь, в речи которых встречались черты просторечия.

2. Господствующее в семье стремление сохранить чистый русский язык, не допускать нововведений, связываемых с советской властью, что порождает некоторую архаичность.

3. Постоянное пребывание в окружении лиц, говорящих на других языках, и усвоенное с детства многоязычие.

Общие особенности речи эмигрантов первой волны можно кратко охарактеризовать так:

1. Беглость, естественный темп речи, что редко бывает свойственно иностранцам, даже отлично выучившим русский язык.

2. Наличие типично разговорных черт в фонетике.

3. Свободное пользование разговорной, а иногда и просторечной лексикой.

4. Наличие слов и выражений, устаревших в русском языке СССР и современной России.

5. Отказ от использования слов, возникших в советское время.

6. Сохранение в заимствованных словах их исконного произношения или отдельных его черт.

7. Включение иноязычных слов в качестве инкрустаций, а не для создания иронического эффекта.

8. Наличие калек: наиболее распространенные – семантические и синтаксические.

9. В речи некоторых лиц наблюдается интонационное и фонетическое влияние чужого языка, начальная стадия разрушения некоторых грамматических особенностей русского языка.

Благодаря письменной форме анкеты было обнаружено угасание письменной формы русского языка у тех лиц, которые получали образование не на русском языке.

Далее в диссертационном исследовании выделены особенности русской речи этнических немцев на различных уровнях языковой системы:

1. **Фонетический уровень:**

- безударный гласный неверхнего подъема после твердых согласных в первой редуцирующей позиции отмечен более сильной, чем в литературном языке, редукцией: *д[ъ]ска, т[ъ]вар, ст[ъ]лбы, в[ъ]прос, с[ъ]став, т[ъ]кой, упр[ъ]жнение, с[ъръ]фан, х[ъль]да;*

- в соседстве с губными редуцированный часто подвергается легкой лабиализации: *м[ъ°]роз, п[ъ°]сол, к[ъмь°]зиция, б[ъ°]лышая, м[ъ°ль]ко, п[ъ°]звала, п[ъ°]садил, п[ъ°]жалуйста;*

- после мягких согласных в безударных позициях наряду с литературным иканисом широко распространено еканье: *л[е]тит, ч[е]сы,*

n[e]ти, д[е]ла, л[е]са, [j]езык, хл[е]ба, ч[е]сть, ноч[е]вала, дев[е]ть, пам[е]ти; П[е]т[е]рбург; занематься. свенья (письм.):

- г-фрикативного, выраженные, например, на письме в смешении Х и К (в *оврах*, но *кожук*);

- билабиального [w], не оглушающегося в слабых позициях (*соста[w]*, *рука[w]*, *[w]чера, остано[w]ка*); в) смешения аффрикат Ц и Ч (в *чехе* - письм);

- трансформируются шелевые звонкие согласные, которые начинают произноситься с ослабленным участием голоса: *з/сима, свонок, с/зовет, маз/сю, арбуз/са, З/Сина, ж/шук, сож/шги, ж/шаргон, на луж/шайке*;

- в слабой позиции перед шумными отсутствует озвончение согласных или оно проявляется очень слабо: *с/з глаз, вокзал, сборник, просьба, нет берега, сгребли*;

- отсутствие оглушения в конце слова согласного ж, который встречается в немецком языке только в заимствованных словах: *багаж, саквоаж, ёж*;

- появляется придыхательный призвук: *стог[хх], столб[пх], штамп[пх]*;

- отвердение мягких шипящих ч и щ (*уго[ш°а]ла, при[ч°а]л, пла[ч°], ру[ч°о]нка, за[ч°е]м*) и наоборот - смягчение ц и твердых шипящих ж и ш (*[ж°и]ть, [ш°ведам, стан[ц°и]я, луч[ш°и]м, [ц°е]х, в кон[ц°е]*);

- появление среднеевропейского [l]: *даль[l°], пыль[l°], житель[l°], покупатель[l°], ансамбль[l°], томитель[l°]но, уголь[l°]ки, лю[l°у]бишь, вклю[l°у]чить*;

- усиление вибрации согласного: *ррбота, шнурр, хоррошо, рруль*.

2. Лексический уровень:

- эмигранты первой волны (конец 1980-х годов), как правило, используют иноязычную лексику в номинативной функции, тогда как эмигранты четвертой волны (последние годы XX века) применяют ее нередко как средство непритязательной языковой игры: *штрахи* («языковые курсы») – *страхи, Рехнунг* («счет») - *такой, что рехнуться можно*;

- распространенность уменьшительных и оценочных экспрессивных производных типа *павильончик, домик, огородик, кухонька, комнатка, тилюльки, домишка, маленький городочек, улочка*;

- использование в номинативных целях производных существительных, или слов-гибридов: типа *велферцик, фудстэмтицик, бистряк*), но и прилагательные (*рамольный*) и глаголы (*замельдоваться, пущить*).

3. Морфологический уровень:

- экспансия именительного падежа: *Мы привыкли к безработице как нечто само собой разумеющееся* (вместо *к чему-то само собой разумеющемуся*);

- инфинитизация: *Он сторонник влять на то, что пишет* (вместо *сторонник оказания влияния*);

- нарушение видовых отношений: *Мы осмотрели музей очень долго* (вместо *осматривали музей*);

- ослабление склонения имени числительного: *Она стояла около пять ойро* (вместо *пяти евро*).

В рамках данного диссертационного исследования был осуществлен, главным образом, анализ лексического уровня русскоязычной прессы в современной Германии как наиболее подверженный интерференции. Для решения этой задачи была предложена классификация, отражающая сущность иноязычных вкраплений:

1. В первую группу заимствованных слов входят **немецкие реалии общественно-политической жизни страны, имена собственные, географические названия и названия улиц, районов, предприятий**. Они не имеют по понятным причинам прямых эквивалентов в русском языке. Например,

- ...*решение Бундесрата*...;
- ... *в ландтаге*...;
- ... *нелюбимое всеми BVG* (социальные услуги, связанные с профессиональной деятельностью или также пенсионная касса) *в прошлом году выложило 8,7 млн евро лишь на устранение граффити*;
- *5-ый класс средней школы Oppenheim района Charlottenburg*.

В последних двух примерах некоторые лексические единицы сохранили латинскую графику и не подверглись транслитерации. Необходимо подчеркнуть, что во многих изученных примерах транслитерация осуществляется нерегулярно.

2. Ко второй группе относятся **наименования различных ведомств, законов, процедур, проводимых властью**. Здесь зачастую можно подобрать аналог или сделать перевод на русский язык, не искажая при этом смысл высказывания. Однако для эмигрантов оригинальное употребление, то есть запись немецких названий на немецком языке, оказывается предпочтительным, чтобы избежать необходимости перевода слов на немецкий язык при использовании данных наименований в немецком дискурсе:

- ... *в Arbeitsamt'e работает*...
- *Я была в шоке, пошла в югентамт*...
- *Работники Schulamt*...
- *А при визитах к врачу придется платить Praxisgebühr*.

3. К третьей группе в данной классификации были отнесены **слова и словосочетания, в заимствовании которых отсутствует объективная необходимость, равно как и в их дословном переводе**. К этой категории относятся слова, которые содержат в себе набор сем, позволяющих емко и точно описать процесс, действие, факт и т.д. (или их группу), имеющие место в объективной действительности:

Приведем конкретные примеры:

- *Там мы добились термина в танцевальной школе*...
- *Сейчас в западных землях квота работающих женщин составляет 60%*.
- ...*налоговая реформа увеличила нетто-доходы людей*.

Для каждого из них могут быть найдены полноценные эквиваленты в русском языке. Поэтому их введение в речь является исключительным следствием координированного билингвизма, развивающегося у эмигрантов, с одной стороны, и элементарной речевой пассивности – с другой:

- ... *не будет кандидировать на будущий срок...*
- *Родились внуки, она с опой стала присматривать за ними...*
- ... *помощь беретеров...*
- *Мой Kundennummer...*
- *Führerschein за 10 дней!*

Приведенный фактический языковой материал, тем не менее, наглядно демонстрирует многообразие причин возникновения интерференции на лексическом уровне в печатной речи русскоязычных немцев. Однако, несмотря на обилие заимствований, они не затрагивают русскую языковую картину мира, вербализованную в конкретной речи. Данный факт был установлен исходя из того, что и в устной речи, и на страницах русскоязычных газет, и компьютерных сайтов не были обнаружены метафорические сочетания, характерные для немецкой языковой картины мира. Это свидетельствует в пользу вывода о том, что более простым для эмигрантов является образное восприятие, характерное для носителей русской языковой культуры.

Проведенные наблюдения позволяют также сделать вывод о том, что простота в языковой коммуникации основывается, с одной стороны, на постоянстве, с другой – на способности языка интегрировать и адаптировать новые элементы, позволяющие кратко и ясно выражать мысли в чужеродной среде. При этом важную роль играет процесс универсализации употребления лексических единиц, который должен стать предметом специального исследования в рамках не только контактной лингвистики, но и филологий отдельных языков.

Заключение содержит формулировку основных выводов проведенного исследования. В процессе активного функционирования языка за пределами его естественного ареала распространения и тесных контактов с местными языками возникает так называемое социолингвистическое пространство, которое неоднородно по своей структуре, обладает широким спектром отличительных особенностей, складывается и развивается по определенным внутренним законам и способствует формированию в этом пространстве языковой личности. Общность Германии представляет собой такое социолингвистическое пространство, понимаемое как пространство социальных институтов, в рамках которых осуществляется коммуникация как по поводу их самих, так и других социальных институтов. Представитель данной общности, осуществляющий коммуникацию, всегда находится в рамках некоторого института, за которым, как правило, закреплена определенная языковая общность: русский или немецкий. Такими институтами являются семья, рабочее место, образовательные учреждения, центры медицинской помощи, места отдыха и развлечений. В этой диссертационной работе также намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы.

В Приложениях содержатся предложенная этническим немцам в ходе исследования в Германии анкета, состоящая из двух частей: вопросов, направленных на получение экстралингвистической информации о респондентах, и вопросов и заданий, способствующих определению их уровня владения русским языком: таблицу, содержащую перечень из 113 примеров немецких вкраплений в русскую речь этнических немцев; краткое описание истории миграций этнических немцев с конца XV до начала XXI века; карты расселения немцев на территории Восточной Европы, АССР Немцев Поволжья в 1928 году и статистическую таблицу переселения этнических немцев из СССР, России и стран СНГ в Германию.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. Е.М. Недопекина Особенности русской речи русскоговорящих немцев в современной Германии//Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. II Новиковские чтения: Материалы Международной научной конференции. – М.: РУДН, 2009. С 376-379.

2. Е.М. Nedopekina Que faire? / Недопекина Е.М. Что делать? // Chemins de reconciliation en Europe. III Colloque international, Opolc: Uniwersytet Opolski, 2010 – С. 97 – 98.

3. Е.М. Недопекина Особенности русской речи русскоговорящих немцев в современной Германии // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. Ун-та. – С. 669-670.

4. Недопекина Е.М. Место и роль языка в образовании диаспор / Вестник Российского университета дружбы народов. Теория языка. Семиотика. Семантика. – М.: РУДН, 2011. – №1. – С. 67 – 74.

5. Недопекина Е.М. Социолингвистические особенности русскоязычной общины Германии // Личность в межкультурном пространстве. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – М.: РУДН, 2011. – С. 279 – 285.

6. **Недопекина Е.М. Социолингвистическое пространство русскоязычной общины Германии // Научный и информационно-аналитический гуманитарный журнал «Ценности и смыслы», 2011. – №6 (15). – С. 138 – 148.**

Недопекина Екатерина Михайловна (Россия)

Функционально-структурные особенности русской речи этнических немцев в социалингвистическом пространстве Германии

Реферируемая диссертация посвящена комплексному описанию русского языка в социалингвистическом пространстве современной Германии; процессам языкового контактирования, представленным в устной речи этнических немцев; определению специфических черт в их русской речи и изменений, происходящих в русском языке в условиях его постоянного контакта с неблизкородственным немецким языком; выявлению наиболее частотных закономерностей преобразования русского языка на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях в условиях влияния немецкого языка и культуры; доказательству институционального характера использования русского языка в условиях билингвизма.

Системно-структурные типологические исследования на материале двух или более языков являются одним из перспективных направлений в типологической и сопоставительной лингвистике и имеют большое практическое значение для исследования русского языка за рубежом и для развития сравнительной типологии языков.

Ekaterina M. Nedopekina (Russia)

Functional and structural features of the Russian speech of the Ethnic Germans in the socio-linguistic space of Germany

The dissertation is devoted to a complex description of the sociolinguistic space of Russian language functioning in modern Germany; the processes of language contacts, represented in the oral speech of Ethnic Germans; the definition of specific features in their Russian speech and the changes developing in the Russian language under the circumstances of the constant contact with German language; the revelation of the most frequent patterns of the Russian language transformation on the phonetical, lexical and morphological levels in terms of the permanent influence of the German language and culture; the proof of the institutional nature of using the Russian language under the condition of bilinguality.

The materials and results of the study could be applied to develop the general theory of language studies, the typological studies of grammatical categories and comparative typology, as well as in the philological courses on theoretical grammar and systemic and typological analyses of the Russian and German morphology and lexics.

Подписано в печать: 02.03.2012

Заказ № 6763 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

10²